

На снимке: сцена из спектакля «Несущий в себе». Тимофеева — артистка Л. Сухаревская, Леля — артистка О. Красина. Фото Б. ВИЛЕНКИНА.

КИНОАКТЕРАМ НУЖНА СЦЕНА

ЭТО НЕ СОВСЕМ обычный спектакль, и поставлен он коллективом, имеющим особую судьбу. «Несущий в себе», центральная студия киноактера «Мосфильм» — написано на афише. Несколько лет назад этот же коллектив назывался Театром-студией киноактера. Свою способность работать интересно и самостоятельно театр доказал такими спектаклями, как «Три солдата», «Молодая гвардия», «Попрыгунья». Потом на сцене его было поставлено еще много спектаклей. Потом, четыре года тому назад театр-студия прекратил свое существование.

В штате студии насчитывается сейчас более двухсот человек. Как бы много картин ни выпускал «Мосфильм», он не может обеспечить непрерывной работой каждого из этих актеров. Кроме того, сама специфика работы в кино такова, что актер бывает занят на съемках только периодически. В течение четырех лет актеры студии числились членами труппы, они ежедневно приходили на работу, они даже ежемесячно получали зарплату. Но они были лишены самого необходимого — постоянных репетиций, непрерывной работы.

Поскольку это была особая студия — студия киноактера, такое положение многим казалось, по-видимому, естественным. Зачем актерам кино играть в спектаклях? Зачем подменять сценой съемочную площадку? Зачем вообще нужен этот театр — незаконное детище двух, хотя и близких, но все-таки во многом разных искусств?

Впрочем, эта точка зрения всегда имела своих противников. И самыми убежденными и яростными противниками ее были те, вокруг кого шли все эти споры, — актеры кино. Существует, конечно, разница между теми требованиями, которые предъявляют сцена и экран актеру. Но та школа, которую дает театр, на съемочной площадке гораздо чаще оказывается помощью, чем помехой. И, значит, актеры кино должны взять все лучшее от театра, от хорошего театра. Они должны испытать то чувство ответственности, которое рождается от прямого контакта с требовательным, быстрым на реакцию зрительным залом. И главное — они должны работать!

В этом заключались доводы «защитников» театра. И они победили. После очень долгого перерыва Студия киноактера выпустила свой новый спектакль.

У ЭТОГО спектакля есть еще одна особенность — пьеса (сценический вариант сценария, как названа она в афише) написана актрисой Лидией Сухаревской.

Среди тех разнообразных причин, которые могут заставить актера взяться за перо драматурга, одна, вероятно, всегда останется самой серьезной — желание написать роль, ту, что очень хочется сыграть, ту, что долго сыграть не удавалось.

Актриса умного и острого таланта, Л. Сухаревская не нуждается в нарочитых комплиментах — в пьесе, написанной ею, еще много совсем слабых образов и эпизодов. Но в пьесе есть роль — главная роль, — ради которой все и было задумано, характер, написанный точно и глубоко. В пьесе много еще и других ролей.

Некоторые из них потребуют от исполнителей полной отдачи сил. И, значит, уже по одному этому пьеса отвечала тем особым требованиям и целям, которые ставила перед собой студия.

Впрочем, зрителей едва ли взволнуют все эти специальные «внутристудийные» соображения. Они пришли смотреть то, что готово и закончено, и недостатки увиденного не захотят оправдать «учебным», «экспериментальным» характером работы. Они пришли смотреть готовый спектакль.

И когда откроется занавес, они увидят спектакль — с ясной, отчетливо прозвучавшей темой, очень своеобразный и острый по своей театральной форме.

Первое действие отделило от второго сроком в четырнадцать лет — от первой послевоенной весны до времени сравнительно недавнего. Антонина Тимофеева — зовут героиню Л. Сухаревской. Женщина в солдатской гимнастерке в начале спектакля похожа на обустроенное дерево, хотя и держится подтянуто, и разговаривает почти весело. Вся жизнь ее сожжена войной, и все в жизни ей придется начинать теперь заново.

Смысл этого образа — в рассказе о преодолении горечи и одиночества, в рассказе о том, какими путями идет к счастью настоящий человек.

Играть такую роль актрисе нелегко, но, должно быть, очень радостно. В исполнении Сухаревской Антонина Тимофеева — это человек с широкой мыслью, с ясной головой, с чуть ироническим складом; не только хороший, но и умный человек. Последнее реже встречается на экране и сцене, может быть, последнее много труднее.

Название пьесы кажется неудачным: и лобовым, и претенциозным. Но мысль автора точна — человеческое счастье зависит не от благополучного стечения внешних обстоятельств жизни. Возможности для счастья человек несет в самом себе. И эта женщина, слишком гордая для того, чтобы позволить другим жалеть себя, слишком боящаяся пошлости, чтобы стать «жертвой несчастной любви», перестала быть несчастной.

Но она перестала быть несчастной не только поэтому.

Большая жизнь с десятками интересов, обязательств, трудностей, побед приняла ее в свой круг.

И совсем не только об истории одной любви рассказывает со сцены Сухаревская, хотя и история любви ее героини прекрасна и поэтична. За плечами этой женщины стоят все тревоги, все волнения и победы, которые она пережила вместе со своими современниками и вместе со своей страной.

А рядом с сильной, мудрой, зрелой женщиной есть в спектакле еще один человек — четырнадцатилетняя девочка Леля, которой Антонина стала матерью, и подругой. Молодая актриса О. Красина играет остро драматическую роль. Затравленный, замкнутый звереныш, готовый в каждом увидать закланного врага и огрызнуться, больно обидеть в от-

местку. Нескладная девочка с сутулой спиной и тяжело ступающими ногами — такой увидят ее зрители в начале спектакля. А затем эта же девочка вся будет лучиться доверчивой радостью, станет легкой и прелестной.

Обилие актерских фамилий, значащихся в программе к спектаклю, — это тоже одно из своеобразных его качеств. А. Соловьев в роли инженера Власова, П. Винник — Алексей Шорин, Л. Чубаров — Виктор Скворцов, К. Барташевич, А. Ушаков, М. Кремнева — каждый играет увлеченно, «радостно». Даже те, на долю кого выпало произнести со сцены всего три-четыре короткие фразы.

Спектакль поставлен Э. Гариным и Х. Локшиной. Начиная со второй половины, действие уверенно «набирает высоту». Именно здесь, во втором акте, все острее, все точнее становятся сценические решения. Рядом с «актерскими» в спектакле есть «режиссерские» сцены, именно постановщикам обязаны своим успехом.

Сценический вариант сценария режиссеры ставят как спектакль, точно следуя природе и законам театра, не прельщаясь соблазнами кинематографа. Если когда-нибудь по сценарию будет снят фильм, форма его, многие решения в нем будут, вероятно, совсем другими. Но лучше, что найдено на сцене, должно войти в картину. И картина эта может стать талантливой, умной, нужной.

Т. ИВАНОВА.